

ББК 84(0)6
УДК 82-1

Л. В. Красилова, Д. Д. Морозов, Л. Пэй
L. Krasilova, D. Morozov, L. Pei
г. Челябинск, ЮУрГГПУ
Chelyabinsk, SUSHPU

**«РАЗБИТЫЕ ЛОДКИ» В РУССКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И КИТАЙСКОЙ
ЛИРИКЕ 30–40-Х ГОДОВ XIX ВЕКА**
**«BROKEN BOATS» IN RUSSIAN, GERMAN AND CHINESE LYRICS
OF THE 30–40S OF THE XIX CENTURY**

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ стихотворений А. С. Пушкина «Арион», Г. Гейне «Жизненный путь» и Т. Сытуна «Ночной причал». Несмотря на различия авторских эстетических концепций, все три поэта создали произведения, посвященные размышлению лирического героя посреди водоема на разрушенном корабле / лодке. Стихотворения связаны с крахом политических идеалов авторов, поэтому содержат общий набор образов и мотивов. Сравнительный анализ лирического героя, природы / мира, а также образа лодки / корабля позволил сделать вывод о взаимоотношениях героев и окружающего мира, а также значении стихии в трех стихотворениях.

Ключевые слова: Пушкин; сравнительный анализ; Гейне, Сытун; образ; мотив.

Abstract: The article provides a comparative analysis of the poems by A. S. Pushkin «Arion», G. Heine «Life path» and T. Sytun «Night pier». Despite the differences in the author's aesthetic concepts, all three poets created works dedicated to the reflection of a lyrical hero in the middle of a reservoir on a destroyed ship / boat. The poems are associated with the collapse of the political ideals of the authors, therefore they contain a common set of images and motives. A comparative analysis of the lyrical hero, nature / world, as well as the image of a boat / ship made it possible to draw a conclusion about the relationship between the heroes and the surrounding world, as well as the meaning of the elements in three poems.

Keywords: Pushkin; comparative analysis; Heine; Sytun; image; motive.

«Предмет компаративных исследований не может быть результатом произвольного выбора: необходимы критерии отбора, составляющие принцип достаточного основания» [6]. Сравнительное литературоведение занимается «... обоснованием сходства, контактных связей или типологической аналогии» [7, с. 127]. Объектом нашего сравнения являются стихотворения Пушкина «Арион», Гейне «Жизненный путь» и Тань Сытуна «Ночной причал».

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) и Генрих Гейне (1797–1856) жили в одну эпоху. В библиотеке Пушкина хранились французские и немецкие издания прозы Гейне («Романтическая школа», «К истории религии и философии в

Германии», «Путевые картины»), запрещенные в России, поскольку в них изложено множество «...революционных мыслей, оскорбительных выходок против России и изъяснений, предосудительных в нравственном и религиозном отношении» [4, с. 219], доказано, что публицистика Генриха Гейне повлияла на Пушкина как на историка в его «Истории Пугачева» и «Истории Петра». Сходство их стихов с творчеством китайского философа, поэта и общественного деятеля Тань Сытуна (1865–1898) не может быть объяснено контактными связями. Эстетическая позиция китайского поэта далека от европейской культуры, даже диаметрально противоположна в дихотомии «Восток и Запад». Однако обращает на себя внимание тот факт, что с периодичностью в 10–20 лет выходят три стихотворения с общими образами и мотивами.

Первым аллегорическое описание «судьбы декабристов и самого поэта» сочинил Пушкин. Стихотворение «Арион» было написано 16 июля 1827 года, через год после казни пятерых декабристов и ссылки 121 участника восстания. Жестокая расправа потрясла Пушкина. В 1827 году в альманахе «Северная лира» была опубликована статья, где пересказывался древнегреческий миф о певце Арионе. Использованная Пушкиным легенда стала основой для его аллегории.

Стихотворение про бурю Гейне написал в 1844 году, включив его в сборник «Современные стихотворения» («Zeitgedichte»). Его скитания начались еще в 1826 году, когда он уезжает в Лондон, затем Грац, «заражается» восторгом перед Наполеоном, грезит новым подъемом революционного движения и идеями свободы. Рабочие восстания в Париже, переросшие в революцию 1830 года, к которой он с энтузиазмом примкнул, обернулись личным крахом. Он испытывает радость и страх одновременно: «Сознаюсь, откровенно – этот самый коммунизм, до такой степени враждебный моим склонностям и интересам, производит на мою душу чарующее впечатление, от которого я не могу освободиться» [1, с. 347]. В родную Германию он ненадолго возвращается в 1843 году и почти сразу бежит оттуда снова.

Наконец, мотив одинокого пловца, покидающего родину и в ночной тиши переходящего её границу, появился в стихотворении Тань Сытуна «Ночной причал», относящемся примерно к 1897 году (пер. А. Гитович). Проигравший войну с Японией, раздираемый внутренними противоречиями и национальным сопротивлением маньчжурской правящей династии Китай пытается в это время реформироваться «сверху»: под влиянием группы чиновников император готовит ряд реформ. Стихотворение написано в канун краха Реформ года У-суй, в подготовке которых непосредственно участвовал Тань Сытун: «Этот отчаянный радикал оказался самым близким к императору лицом из числа реформаторов, считал, что монарх должен быть избираемым, и что учение Конфуция необходимо поставить на службу современности» [2, с. 162].

Размышления лирического героя, оказавшегося посреди водоема на разбитой лодке / корабле, во всех трех случаях связаны с крахом политических идеалов поэтов. Соответственно, стихи содержат общий набор мотивов и образов, однако в идейном содержании есть определенные различия.

Так, мы можем выделить три основных группы образов: лирический герой, его цели и размышления; природа, отображающая состояние как окружающего

мира, так и внутреннего мира героя; образ лодки, корабля, судна, неразрывно связанного с лирическим героем.

Для начала стоит определить смысл, цель нахождения лирических героев на корабле, ведь данное сопоставление напрямую влияет не только на понимание образа пловца, но и на общее сопоставление произведений. Если в стихотворениях «Арион» и «Жизненный путь» цель нахождения лирических героев на борту указана в самом тексте («Пловцам я пел...» – воодушевление команды и «Мы пели, смеялись, и солнце сияло» – путешествие-развлечение + «Как тянет на родину!» – возвращение домой), то в «Ночном причале» лирический герой сам задается вопросом своего странствия («И – кочующий путник – пойму ли, // Почему неустанно // Ищу я чего-то на свете?»). Таким образом, лирический герой Тань Сытуна принципиально отличается от героев А. С. Пушкина и Г. Гейне, так как его плавание не имеет четкой цели и является способом познания себя и мира.

В полной мере объединяет лирических героев только их душевное состояние – тоска, хотя и она вызвана различными переживаниями и тесно связана с мотивом цели в стихотворениях. Так, у Пушкина лирический герой тоскует по своим погибшим товарищам («Погиб и кормщик и пловец!»), у Гейне – по родине и, предположительно, по друзьям («На родине потонули друзья», «Как тянет на родину! // Как тяжело»), а у Тань Сытуна по родине и будущему, по неизвестности смысла своего существования («И огарок свечи – // словно символ тоски на чужбине», «И – кочующий путник – пойму ли, // Почему неустанно // Ищу я чего-то на свете?»). Также мотив цели лирического героя зависит от присутствия или отсутствия мотива смерти и мотива поиска в тексте. Первый мотив находит отображение в текстах Пушкина и Гейне, но не в тексте Сытуна, который обладает лишь мотивом одиночества. А вот мотива поиска лирический герой «Ариона», в котором лирический герой продолжает свою жизнь без какой-либо конкретной цели.

Немаловажную роль в раскрытии образа лирического героя и мотива возвращения играет композиция стихотворения. Текст «Ариона» имеет вид цельного стихотворения без деления на строфы, что дает нам судить о событиях, произошедших с лирическим героем, как о последовательной истории, в которой лирический герой после бедствия возвращается к своим прежним идеалам, а точнее не отступает от них. Античный идеал стойка передается через мощный план греко-римских аллюзий, в котором соединяется «...актуальное настоящее с вечным, автобиографическое с надличностным» [3]. Текст «Жизненного пути» делится на четыре четверостишия, и мы видим не цельную историю, как в «Арионе», а лишь самые важные фрагменты жизненного пути лирического героя, его желание вернуться на родину, на котором и заканчивается стихотворение. Текст стихотворения «Ночной причал» представляет лишь отдельные фрагменты внешних впечатлений, которые складываются в калейдоскопичную общую картину, базирующуюся на «утверждаемой связи трех религий» [5, с. 219]: путь, покой, порядок (буддизм, даосизм, конфуцианство) равновесно сочетаются в картине мира лирического героя. Мотив возвращения существует лишь как мечта,

зыбкая надежда, в то время как мир вокруг него является статичным последствием недавних событий.

Общим в стихотворениях Пушкина, Гейне и Сытуна является тема человека и природы, человека и стихии, однако конфликт решается по-разному.

В стихотворениях Пушкина и Гейне большое место занимает море, поскольку корабли подвергаются его влиянию, они пассивные по отношению к стихии. У Пушкина стихия разрушает корабль, мир враждебен, он лишает человека друзей, однако не может заставить его сдаться. За каждой бурей есть надежда, лирическому герою нужно выстоять и сохранить себя, свои убеждения («Я гимны прежние пою»), несмотря на победу сил природы.

В оригинале Гейне картина мирной дружеской прогулки продолжает радостно-возбужденную пейзажную зарисовку, между человеком и природой нет противоречия. Однако переводчик добавляет противительный союз «а», который создает конфликт человека и природы сразу («*Die Wellen schaukeln // Den lustigen Kahn. Ich sass darin*» / «И лодку веселую море качало, // А в лодке, беспечен, и молод, и смел»). У Гейне стихия равным образом разрушает первую лодку, указывая тем самым на зависимость человека от судьбы, однако, если у Пушкина «таинственный певец» безвиновен в катастрофе, у Гейне часть вины лежит на лирическом герое («Пловцы, оказалось, мы были плохие»). В отличие от «Ариона», в стихотворении Гейне появляется вторая лодка, чья судьба неизвестна, однако ее пассажиры по-прежнему беспечны («Мы снова поем, и смеемся мы снова»). Поэтому конфликт человека и стихии формально решается в пользу спасшегося лирического героя, однако финальный мрачный пейзаж говорит о том, что обстоятельства нельзя игнорировать. Тому, кто не вынес уроков, следующая буря может принести еще больше бед («Мы снова поем, и смеемся мы снова. // А небо темнеет, и море сурово»).

Наконец, стихия в стихотворении Сытуна – река, где водная гладь лишь покачивает лодку и не губит ее. Неслучайно дано и название – Янцзы – самой длинной реки континента, соединяющей своим устьем Восточно-Китайское море и обладающей значимостью в политическом и экономическом планах для Китая. Янцзы – воплощение вечности и монументальности самой природы, у которой своя жизнь, она безразлична к человеческой судьбе, но и у человека, несмотря на успокоение природы, вопросы не сняты. В отличие от пушкинского и гейневского текстов в стихотворения Сытуна указано точное время суток – «пятая стража» («Но уж "пятая стража" – // И я на пустынной равнине»), в Древнем Китае ночь делилась на пять периодов, когда поселение патрулировалось стражниками, и «пятая стража» приходилась на предрассветное время (4–5 часов утра). В оригинале указано и время года – 殘腊 (цань ла) – это конец года по лунному календарю, канун Нового года. Благодаря этому складывается ощущение финала, но не безнадежного, а ожидания перерождения. На это указывает и образ бледнеющей на рассвете луны как символа затихшей перед новым днем природы («Помутнела луна, // И далекие горы уснули»), подготовки к чему-то неизведанному. Таким образом, природа не разрушает мир героя, а лишь побуждает его к размышлению.

Между образами лирического героя и образами природы стоит образ лодки, который их связывает. Если в стихотворении Тань Сытуна «Ночной причал» образ лодки взаимодействует по большей части с окружающим миром, то в стихотворениях Пушкина и Гейне образы «челна» и «лодки» напрямую влияют как на лирического героя, так и на его окружение. В «Арионе» мы четко видим команду, в состав которой входит лирический герой («Нас было много на челне; // Иные парус напрягали, // Другие дружно упирали // В глубь мощны веслы. ... // Пловцам я пел...»), в начале «Жизненного пути» эта команда не имеет какой-либо организации и является простой группой людей («Мы пели, смеялись, и солнце сияло», «Я с дорогими друзьями сидел»), а вот в конце текста цель группы товарищей нам неизвестна («Мы снова поем, и смеемся мы снова»), но лирический герой уже имеет четкий ориентир («Как тянет на родину!»). И если в первом тексте образ лодки является символом одинокого скитания, то в двух других – символом утраты друзей, товарищей и родины.

Исходя из этого, мы можем сказать, что основными образами стихотворений Тань Сытуна «Ночной причал», А. С. Пушкина «Арион» и Г. Гейне «Жизненный путь» являются сам лирический герой, лодка и природа. Все эти образы взаимодействуют друг с другом, но если образ лодки чаще связан с воспоминаниями лирического героя, то природа отражает окружающий мир и часто враждебна.

Библиографический список

1. Дейч, А. Генрих Гейне / Г. Гейч // Жизнь замечательных людей. – М. : Журнально-газетное объединение, 1933. – С. 345–374.
2. Мартынов, Д. Е. Предисловие к публикации. Учения о гуманности Тань Сытуна / Д. Е. Мартынов // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 160–170.
3. Моисеева, А. А. Античные мифы в русской поэзии: спасение Ариона / А. А. Моисеева // Филолог. – 2010. – № 11. – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_199.
4. Найдич, Э. Э. Письмо Пушкина к Густаву Нордину / Э. Э. Найдич // Пушкин : Исследования и материалы. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 217–223.
5. Сейбель, Н. Э. Ритуальные функции волос Сунь У-Куна в романе У Чэн-Эня «Путешествие на Запад» // Научный диалог. – 2021. – № 2. – С. 218–230.
6. Троицкий, Ю. Л. Историческая компаративистика. Эпистемология и дискурс / Ю. Л. Троицкий // Теории и методы исторической науки. – URL: https://roii.ru/dialogue/30/roii-dialogue-30_3.pdf.
7. Шайтанов, И. О. Пособие по бедности. Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. XIX век / И.О. Шайтанов. – М. : Высшая школа, 2008. – 352 с.